

Андрей Дашков

Мокрая и ласковая

*Остерегайтесь вручать свою любовь
Кому-либо из живущих.*

Эдгар Ли Мастерс

ПРОЛОГ

Скука обыденной жизни. Она знакома миллионам, но способов бороться с нею гораздо меньше. На другом полюсе — неистовая и бессмысленная одержимость. Тщетное ожидание чуда. С возрастом мы утрачиваем детскую невинность и непосредственность восприятия; мы проводим дни и ночи в легкой панике, ожидая случайностей, по большей части неприятных. Только неясная тоска иногда сжимает сердце на исходе новогодней ночи. Самым сентиментальным из нас становится не по себе, если вдруг доведется увидеть звезды за городом. А еще лучше — озеро. Черное озеро под голубой луной...

Среди густых зарослей камыша можно забыть об опасности, которую таит в себе топкое дно. Лунная дорожка уводит к темному нагромождению ветвей на противоположном, почти неразличимом

берегу. Ощутимы еще не родившиеся звуки — песни неживого пространства, трущегося об воду. Тени скользят в глубине — зыбкие и неуловимые, как сны...

Там есть нечто, всегда готовое принять нас. Избавить от тревоги, неприятностей, опостылевшей любви, тяжелого груза воспоминаний. Может быть, даже от старости. Плата за это — нестерпимый страх.

Мало кто соглашается платить. Абсолютное большинство не покидает берега. Еще бы — есть водка. Мы становимся легкими и приобретаем забытую способность скользить... Есть книги — и мы вяло пережевываем чужие мысли. Есть пейзажи — и мы впитываем медленно действующий яд впечатлений. В конце концов, есть мальчики и девочки — и мы с удовольствием теряемся в объятиях друг друга.

Но всегда есть и черное озеро. Кто-то неслышно ступает по воде. Ночная свежесть содержит холодок кошмара. Озеро настолько близко, насколько ты захочешь. Лучше не думать о нем. Но оно есть.

Оно ждет тебя, милый (милая).

Спокойной ночи и приятной смерти!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НЕМНОГИМ БОЛЕЕ

...На свете нам предоставлено немногим более, чем выбор между одиночеством и пошлостью.

Артур Шопенгауэр

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Она тонула, и это было так же непоправимо, как ее безнадежная любовь. Камень в мешке, привязанном к лодыжкам, тянул на дно. Чем глубже, тем холоднее... Она не думала, что вода может оказаться худшим из чудовищ. Гораздо хуже тех, с адских картинок, которыми пугали попы.

Ее не ужасал совершаемый грех. Она испытывала благодарность к Богу за то, что вообще возможно избавление. Но так было до того, как ее голова исчезла под водой... На какую-то секунду ужас стал сильнее отчаяния, и она пережила бесконечное сожаление, длинной зазубренной иглой пронзившее сердце, однако было слишком поздно.

Ее простая белая одежда приняла форму большого колокола. Это замедлило погружение и продлило ее муку. Она шептала имя своего возлюбленного, а на поверхности озера с тихими звуками лопались пузыри... Вместе с нею умирал его ребенок...

Потом в ее легких уже не осталось воздуха. Черная влажная рука без костей проникла в рот и пробралась глубже, распирая внутренности. Женщина вздрагивала, пока рука опустошала ее и избавляла от последних воспоминаний о жизни. Смерть слегка коснулась глазных яблок, и они лопнули, уничтожив мир.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Нельзя сказать, что художник-абстракционист Борис Стеклов не предвидел своего ошеломляющего взлета, после которого стал относительно богатым человеком. В недавнем прошлом он представлял себе это и стремился к этому. По его глубокому убеждению, деньги означали независимость (после тридцати лет уже никто всерьез не говорит о свободе), возможность быть предоставленным самому себе и видеть в своем окружении только тех, кого он сам хотел видеть. У него не было творческих или каких-либо других амбиций, поэтому его работа преследовала единственную цель — существовать наиболее удобным и наименее скучным образом.

После пятнадцатилетнего периода безвестности, нищеты и застоя картины Стеклова стали продаваться на Западе; некоторые попали на престижные аукционы, две или три оказались в

экспозиции Музея современного искусства в Нью-Йорке. Деньги потекли вначале тоненьким ручейком, а затем нахлынули одной большой волной. Часть их осела в карманах посредников, агентов и владельцев галерей, однако для человека с его отношением к жизни осталось довольно много.

Следующих столь же интенсивных волн не предвиделось; Бориса это вполне устраивало. Он был достаточно осторожен, чтобы не засовывать голову слишком глубоко в чужие пасти. То, что Стеклов делал раньше в угаре нищеты и постоянного страха не успеть, теперь (как он надеялся) будет вызревать в безмятежной неторопливости.

Но это было далеко не самое главное.

Самое главное заключалось в том, что он наконец ощутил внутреннюю свободу — чувство чрезвычайно ценное и опьяняющее — и превратился из задерганного и озабоченного мелочными проблемами параноика в человека, спокойно и без тревоги взирающего в завтрашний день.

У него было подозрение, что полоса удачи не продлится долго.

Кое-что он доказал и располневшей после двух родов жене, которую звали Лариса, но он называл ее про себя и в кругу ближайших

приятелей не иначе как «моя толстая стерва». Это было совсем не то, что завоевать любовь женщины, однако получить небольшую компенсацию за долгие годы упреков, скандалов, назойливых всхлипываний в подушку и тупого презрения со стороны жадного и ограниченного существа оказалось все же приятно.

Его детям стерва с редкой настойчивостью и изобретательностью внушала мысль о том, что их папа ущербен; к счастью, они были еще слишком малы, чтобы воспринять это окончательно и бесповоротно. Борис надеялся, что мать, поднятая матерью, исчезнет из их душ без осадка. Может быть, он надеялся напрасно.

Конечно, его фигура не изменилась, но ему казалось, что он выпрямился и расправил плечи. В глазах появился блеск, в движениях — раскованность; Стеклов вспомнил о том, что он еще довольно молодой мужчина. Деньги вернули ему отмирающую способность радоваться простым вещам и почти атрофированную сексуальность.

Он привыкал к новому состоянию ровно две недели. Это были волшебные недели почти дзэнской пустоты. Формальности он исполнял легко, будто скользил над поверхностью болотца, в котором возились жабы. Банковские чеки, акции, кредитные карточки, оформление двойного гражданства, налоги и отчисления — мимо его

сознания проходило то, в чем он ровным счетом ничего не смыслил и в чем, откровенно говоря, ему было лень разбираться.

Под руку подвернулся ловкий адвокат с именем, принявший на себя бремя юридических забот; Стеклов не возражал. Он был реалистом и уповал на то, что неизбежные прилипалы украдут не слишком много. Он подписывал бумаги, которые ему подсовывали, позволял себя фотографировать, получил новые документы и даже дал пару дурацких интервью местным газетчикам. В глубине души он уже мечтал о том, чтобы его оставили в покое.

Ключ к покою лежал очень далеко от его малогабаритной двухкомнатной квартиры в пятиэтажке. Ключ содержался в именных бумагах, защищенных от подделки, в акциях иностранных нефтеперерабатывающих и автомобилестроительных компаний; ключ был растворен в электронной памяти компьютеров и перемещался со счета на счет вместе с виртуальными потоками денег.

Для начала Стеклов решил сменить среду обитания. Соседи за стеной и низкие потолки так опостытели ему, что не оставалось ничего другого, кроме как купить дом за городом. Это было то, к чему искренне тянулась его усталая душа.

Агент по недвижимости работал за проценты и сыпал вариантами, словно из рога изобилия. На своем «фольксвагене» он накатал более пяти тысяч километров, пытаясь удовлетворить единственное однозначное требование клиента: найти место, в котором не было бы комаров. Стеклов по собственному опыту знал, что эти насекомые способны испортить самый лучший летний вечер. И они действительно выпили из него немало крови на дачах и в парках, во время интимных прогулок, пьянок и редких пикников; они мешали сосредоточиться на музыке и любви; словом, это был враг, с которым приходилось считаться.

Условие было трудновыполнимым, но агент сделал все, что от него зависело. Он разыскал островок редкого микроклимата, расположенный примерно в восьмидесяти километрах от границы города. Небольшая возвышенность, смешанный лес, чашеподобная впадина, заполненная водой из подземных источников. Место, уже известное богатым, скупавшим здесь участки земли.

Была проявлена хорошо оплачиваемая расторопность, и Стеклов стал владельцем сорока акров на южном склоне. Противоположный северный берег был застроен; тут стояли отреставрированный дом помещика Минакова, в

котором в течение тридцати лет размещался краеведческий музей, а теперь жил известный хирург Гальберт, и несколько новых и менее стильных построек, оснащенных зато по последнему слову техники: от автономных электростанций до бассейнов с подогревой водой... Никто из местных жителей не мог объяснить загадочное отсутствие комаров даже в непосредственной близости от озера. Поскольку эта особенность была приятной, на нее не обращали внимания.

Стеклов выбирал проект будущего дома, не советуясь ни с друзьями, ни со «своей стервой». До подписания контракта на строительство оставалось три дня, когда выяснилось, что Гальберт уезжает за границу и продает дом. Борис оказался первым покупателем, и до аукциона дело не дошло. Он был готов согласиться на любую разумную цену.

После короткого телефонного разговора с агентом Гальберта Стеклов появился на северном берегу. Был ветреный солнечный день. Тени облаков метались по фасаду. Еще с аллеи, ведущей к дому, Борис увидел странную компанию на застекленной веранде. Его приняла жена Гальберта, похожая на старую черепаху, окруженную свитой из двух вооруженных охранников, экономки и личного парикмахера. Старушка почти непрерывно и не закусывая тянула армянский коньяк «Наири».

Было видно, что ей все осточертело, а больше всего она осточертела самой себе. Когда-то она была красива... Стеклову показалось, что он понимает, почему супруги Гальберты уезжают. К несчастью для себя, он не считал это выходом.

Дом ему понравился сразу же; он будто нашел что-то давно забытое. Старые деревья шумели вокруг, напоминая о быстротечности лета, камни стен впитали за столетие неподвижности и свет солнца, и сияние луны, и летаргию осенних дождей, и нелепые ночные страхи. У Стеклова разыгралось воображение. Он не мог понять, хорошо это или плохо.

Он осмотрел почти все помещения на обоих этажах, не спускался только в подвалы и гараж. Для своего кабинета он сразу же выбрал уютную угловую комнату в левом крыле. Здесь был камин и глубокая прямоугольная ниша, в которой как раз могли разместиться кресло и письменный стол. В окна, скрытые тяжелыми зелеными шторами, скреблись ветки сосен...

По-видимому, эту же комнату облюбовал и хирург, только нынешний хозяин обходился без письменного стола. Вдоль стен стояли полки с книгами по медицине и нумизматике; сравнительно небольшое место занимали периодические издания и романы Сноу, Фаулза, Мердок. Почему-то Стеклов решил, что Гальберты уезжают в Англию...

Он обнаружил подходящее помещение и для обустройства музыкальной комнаты, представлявшее собой почти идеальный куб со стороной в четыре с половиной метра и единственным окном, которое при необходимости можно было заложить. Небольшой коридор перед дверью как будто специально был сделан для того, чтобы разместить проигрыватель вне звукового пространства. Оставалось только обшить стены и установить аппаратуру, достойную здешнего уединения и обретенного покоя.

На втором этаже имелись две спальни, одна из которых могла стать детской. Устройство супружеского гнездышка Стеклова мало волновало.

Таким образом, все настолько соответствовало его потребностям, что это даже настораживало. Уже несколько раз он на себе ощутил справедливость буддийской пословицы «Осторожнее с желаниями — они иногда сбываются!». Тем не менее он был уверен в том, что не откажется от покупки дома ни при каких обстоятельствах.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Когда начали сгущаться ранние сентябрьские сумерки, парочка заблудилась окончательно. Пикник, так хорошо начавшийся, грозил плавно

перейти в ночлег на сырой земле с упреками и слезами. Артур был зол на себя и на весь мир. Он продирался через густые заросли, пытаясь отыскать хоть какую-нибудь тропу. Сзади, всхлипывая и ругаясь, плелась его подружка Зоя, одетая не совсем подходяще для долгой трудной прогулки.

Лес обнимал их неподвижной зеленой плотью, приобретающей к ночи гранитную тяжесть. Луна светила совсем тускло сквозь облачную пелену. Под старыми деревьями темнота была непроницаемой...

Зоя споткнулась о корень и взвизгнула. Артур остановился, громко выругался и заставил себя вернуться. Сейчас она раздражала его так же сильно, как возбуждала днем, когда охотно раздвигала колени на прогретой солнцем поляне.

Опустившись на землю рядом с плачущей девушкой, он устался в темноту. То, что он принял за притаившуюся лесную тварь, было ее опавшим кожаным рюкзачком, в котором не осталось ни еды, ни вина. Все было съедено и выпито еще до трех часов дня.

В данном приключении Артур не видел ничего приятного, а тем более — романтического. Он был в состоянии оценить и стишки, и прогулки под луной — до тех пор, пока Зоя ему не принадлежала. Вся романтика закончилась для него в ту минуту, когда он впервые раздел ее.

Обхаживание самки преследовало одну цель — обладание. После того как цель была достигнута, подобные вещи становились скучными и смешными...

— Какого черта ты ноешь? — спросил он безразлично, растягивая и смакуя слова. Девушка отдалилась от него на пару световых лет. Мысль о том, что нужно проявить участие и дотронуться до нее, приводила в содрогание. «Какая дура!» — подумал он. Это была его маленькая месть. Зоя была студенткой, а он — лицом без определенных занятий, пытавшимся оказывать посреднические услуги в торговле автомобильными запчастями. (Неискоренимый комплекс двоечника при всей своей смехотворности порой давал знать о себе. И тогда Артур страдал — мелко, будто монах-мастурбатор.) Деньги появлялись у него редко. Поневоле приходилось быть скользким. Странно — он слегка возненавидел девушку за то, что пускал ей пыль в глаза...

Он начинал замерзать в своей футболке с короткими рукавами и ярко-красным стоунзовским «языком» на груди. Как ни крути, надо было шевелиться.

— Вставай! — грубо сказал он и потянул Зою вверх за локоть, ощутив пальцами «гусиную кожу».

— Артурчик, я устала!.. — по-детски захныкала она, но подчинилась. Он случайно

дотронулся до ее груди — маленьких, круглых, упругих. Никаких желаний. Он был опустошен и разрядился на ближайшие несколько суток. Артур поднял легкий, как тряпка, рюкзак и повесил на левое плечо.

— Вперед! — приказал он и обнаружил, что ему это даже нравится.

То есть почти все было погано, но вот именно это ему нравится. Ночь поменяла их местами. Он приобрел власть над девушкой, невыносимую в городе, а тем более — в каком-нибудь баре, где она строила глазки каждому второму мужику...

Они снова побрели в направлении лунного пятна в облаках, хотя уже вряд ли разглядели бы тропу под ногами. Артур был одержим желанием двигаться. Остаться на месте казалось невыносимым, потому что тогда одолевали холод и пустота...

Лес цеплялся за них черными многопалыми руками, подстилал предательский ковер из спутанной травы, выдыхал омерзительную сырость и что-то нашептывал вслед тысячами гниющих уст...

Артур поймал себя на раздвоении. Его нормальная и, как он думал, лучшая половина находилась далеко отсюда, в теплой городской квартире с видом на фасад кинотеатра «Салют», и тряслась от издевательского смеха. Худшая часть

— безумная и отупевшая — блуждала в пригородном лесу, таская за собой не только груз своей беспечности, но и девку, которую надо было доставить папочке и мамочке целой и невредимой...

Он увидел огни. Давно он не испытывал такой радости. Чистой и незамутненной. Он даже остановился и обнял Зою. «Смотри!» — сказал он, любуясь мерцанием далекого света. Конечно, это была не железнодорожная станция. В той стороне было тихо, и огни находились очень низко над землей.

Артур пошел быстрее, не замечая мелких неприятностей в виде царапин и веток, хлеставших по лицу. Зоя все больше отставала от него...

Огни разделились. Каждая пара располагалась симметрично относительно некоей линии, параллельной горизонту. Через пять минут до Артура дошло, что они отражаются в неподвижной воде. Лес не становился менее густым вплоть до того момента, когда он увидел в просветах между стволами гладкое темное зеркало, казавшееся твердым и мозаичным.

Все разъяснилось еще через десяток шагов. Он наткнулся на ограждение из проволочной сетки, по обе стороны которого старые деревья были вырублены, зато буйно разросся молодняк. На покосившемся ржавом щите, очевидно, когда-то

имелась надпись, теперь уже неразличимая. Что-нибудь вроде «Граница частного владения» или «Стоять! Запретная зона». Артура это не смутило. Плевать он хотел на частные владения и надеялся, что его не сожрут сторожевые собаки, а тем более не застрелит спросонья часовая.

Место выглядело заброшенным и безлюдным. Сетка была натянута между деревянными кольями полутораметровой высоты. Артур прогулялся вдоль ограждения и довольно быстро нашел в нем дыру. Поваленные колья наполовину сгнили, а сквозь сетку, лежавшую на земле, пророс кустарник.

Он обернулся. Зои нигде не было видно. Он вдруг осознал, что в течение примерно пары минут не слышал ее шагов.

— Эй! — позвал он робко и не очень громко. Его властолюбие куда-то улетучилось.

Чья-то рука легла на левое плечо, и он едва не подскочил на месте. Колени дрогнули, желудок провалился вниз. Артуру вдруг стало очень-очень жарко.

Девушка была совсем рядом. Он шумно выдохнул и еле сдержался, чтобы не ударить ее. Не хватало только этих дурацких игр!.. Он поправил рюкзак и двинулся к озеру.

Добраться до воды было не так уж просто. Густые заросли и упавшие деревья превратились в настоящую полосу препятствий. Зато на другом

берегу были видны постройки, полускрытые деревьями парков. Роскошные двух- и трехэтажные дома из белого камня, разделенные темными промежутками. Артуру показалось, что он слышит музыку, доносящуюся с того берега. Звук на пределе слышимости. Он подумал бы, что это журчит вода, если бы озеро не было таким неподвижным. Но что-то определенно вибрировало в темноте...

Как ему захотелось оказаться под защитой каменных стен, человеческого общества, в тепле и покое! Дома на том берегу дразнили желтым светом, падавшим из окон; они излучали надежность и респектабельность.

Артур дернулся вправо, влево... Шансы были одинаковыми, как у буриданова непарнокопытного. Определить форму озера и предпочтительную дорогу в темноте было невозможно. Он схватил Зою за руку и потащил вправо, руководствуясь своей недоразвитой интуицией.

Десять минут ходьбы по берегу... Незадачливые любовнички стучали зубами от холода и быстро теряли надежду. Артур смотрел влево. Огни почти не сместились, что было обидно. Озеро оказалось больше, чем он думал. Ему хотелось выть и что-нибудь ломать; его переполняла энергия отчаяния.

Крутой спуск; под ногами захлюпало.

Небольшой заливчик зарос камышом. Артур не заметил бы лодку, если бы не врезался в борт ногой. Старая плоскодонка лежала на берегу; весел не было, но он был готов грести руками. Утопая в жидкой грязи, он столкнул лодку на воду, почти уверенный в том, что ветхая посудина затонет через пару минут. На дне лодки плескалась черная лужа, однако вода почти не прибывала. Артур промочил ноги, и это троекратно укрепило его решимость. По его расчетам, было далеко за десять часов вечера. Он помог Зое забраться в лодку и бросил рюкзак ей на колени. Потом оттолкнулся от берега и присел на корме.

* * *

Лодка медленно двигалась по узкой протоке, раздвигая корпусом камыши. Артур цеплялся за стебли и тянул их на себя, пока не выбрался на чистую воду. Здесь он огляделся по сторонам. Судя по озаренным луной верхушкам деревьев, западная и восточная оконечности озера находились от него на равном расстоянии. Темный горб впереди и справа мог быть островом...

Он начал грести ладонями; это согревало его, и к тому же у него появилась ясная цель. Прямо перед ним маячило серое испуганное лицо Зои. Он ослабилась, снова ощутив себя хозяином

положения...

Вода была ледяной и показалась ему какой-то вязкой. Он непрерывно работал руками в течение десяти минут. Берег отдалился и слился с темной полосой леса. Лодка была крайне неустойчивой. Артур чувствовал себя мухой, ползущей по поверхности зеркала. Очень *голодной* мухой. Вода скапливалась на корме и вскоре насквозь пропитала не только его кроссовки, но и джинсы. Гениталии съежились до минимального и смехотворного размера. Артур продолжал яростно грести, выдыхая ругательства вместе с воздухом.

Вдруг он заметил странную вещь: светящиеся прямоугольники окон не приближались. Более того — их заволакивала туманная дымка, хотя раньше не было и намека на испарения. Он никогда не слышал о *ночном* тумане... Бесформенные дымчатые клочья подтягивались со всех сторон к середине озера. Это выглядело, как сжимающееся кольцевое облако, внутри которого заблудился тусклый болотный свет. Вскоре оно поглотило последние ориентиры.

Артура охватила легкая паника. Он облизнул губы и попытался сосредоточиться на своем однообразном и не слишком эффективном занятии. Он думал, что его кисти потеряли чувствительность, но когда к его коже прикоснулось что-то, он сразу же ощутил это.

Плавающие водоросли? Гниющая ветка? Дохлая рыба?.. Прикосновение повторилось еще дважды, прежде чем он перегнулся через борт и стал всматриваться в глубину.

Его страх был неосознанным и до сих пор представлял собой некое внутреннее неудобство. В воде мелькнуло что-то свинцово-бледное, похожее на рыбий живот. Он все еще испытывал брезгливость, а не ужас... До той секунды, пока белые и твердые, как фарфор, пальцы не обхватили его запястье. Тогда он закричал, однако ватный туман поглотил все звуки... Артур помнил перекошенное и смазанное личико своей подружки. Возможно, она тоже кричала, но он ничего не слышал...

Все перевернулось, и в холодном сумраке, озаренном сиянием умирающей луны, он увидел совсем другое лицо.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Жена Гальберта почувствовала «легкое недомогание» после восьмой (по приблизительным расчетам Стеклова) рюмки коньяку. Она предложила ему осмотреть парк, выделив в качестве сопровождающего одного из своих «мальчиков». Тот был моложе ее раза в два с половиной, но старушка называла его не иначе как

Федор Михайлович. Стеклов чуть не поперхнулся ледяным апельсиновым соком, услышав это.

Одухотворенное лицо Федора Михайловича не выражало ничего, кроме скуки. Нижняя челюсть вяло двигалась, перемалывая резинку. К желанию гостя спуститься на берег озера он отнесся вполне равнодушно, озабоченный лишь тем, чтобы не испачкать брюки своего дорогого темного костюма. Ему были известны гораздо более утомительные барские причуды, чем осмотр никчемной лужи, не пригодной ни для купания, ни для рыбной ловли.

Парк был разбит на пологом склоне, понижавшемся к озеру, но от дома оно не было видно, во всяком случае, летом. Кое-что здесь сохранилось, вероятно, еще со времен Минакова: полузасыпанный фонтан с каскадом, белокаменные чаши, статуи, покрытые коростой мха. Трава пробивалась сквозь трещины в плитах, отвоевывая себе извилистые русла дорожек... Парк выглядел неухоженным и заброшенным, однако умелый садовник мог бы превратить его в райский уголок. Но Стеклов думал, не лучше ли оставить все как есть?..

Наконец впереди показалось озеро. В этот солнечный день оно было удивительно темным, почти черным, как будто вода не отражала свет, поглощая его без остатка. Опавшие листья застыли на ней бурыми пятнами. Борис подошел настолько

близко, насколько позволяли вывернутые обнажившиеся корни деревьев. Белые мертвые сучья пронзали глубину...

Тишина здесь была необычной и угрожающей. Озеро казалось битумной трясиной, над которой висела невидимая, но осязаемая аура смерти. Не было слышно пения птиц и жужжания насекомых; даже лес шелестел как-то приглушенно, оттеняя молчание...

Борис стряхнул наваждение, и сразу же все стало банальным и безобидным. Федор Михайлович лениво жевал травинку, поблескивая стеклами солнцезащитных очков. Стеклов, страдавший врожденным демократизмом, предложил ему сигарету, но тот отказался, молча мотнув головой. Борис закурил сам и огляделся по сторонам.

Слева был виден какой-то хиленький заборчик, обозначавший, по всей вероятности, границу парка, а справа и этого не было — только совсем уже одичалая растительность и неподвижные обнаженные фигуры на пьедесталах, облитые просочившимся сквозь листья зеленоватым трупным сиянием...

Впрочем, одна фигура двигалась. Голая девица грациозно бежала к озеру. Ее сверкающее тело мелькало между стволов, однако слишком далеко, чтобы Стеклов мог разглядеть подробности.